

МАГНИТНЫЙ КЛИЧ ЛЕГЕНДЫ

Голос поэта, (переводчика любимых им творений собратьев по перу многонациональной отечественной и мировой поэзии, публициста, исследователя литературы) Станислава Золотцева впервые раздался в пору, когда послевоенный воздух был одновременно насыщен победным многоголосьем поэтов-фронтовиков и дерзкими голосами «детей Победы» - одаренного творческого поколения дышащего новизной жизни. «Дети Победы» - такое определение дал своему послевоенному поколению Станислав Золотцев.

Молодой Золотцев пришел в большую поэзию в эпоху громко звучащего слова и не затерялся в этом могучем хоре и многоголосье самовыражений. Наверное, потому, что по-своему и никак иначе ощущал и передавал страстное напряжение жизни, которым был переполнен сам – везде и всегда .

«Вот почему ведет компас незримый
К магнитной воле северных морей...».

Метафоричность его по-мужски хваткого, завораживающего, напоенного солнцем звучания, словно сама слетающая в его стихи - да и прозу, – обладает редкой особенностью. Она легендарна по художественному восприятию, будь то близкие, осязаемые реалии или просторные, социально значимые события, происходящие в его лирическом мире.

Таков его «кораблик золотой» на шпигеле Адмиралтейской иглы в Ленинграде – Петербурге. Совсем юное впечатление:

...Здесь даже снега нежность молодая
Прошита вихрем пушкинских чернил –

«Невские строки», объемлемые вечным присутствием Пушкина... Адмиралтейская игла словно прошла и лирический образ поэта:

«И если в сердце есть заноза,
То гранями она в лучах горит,
И серебром покрытый в час мороза
Кораблик золотой над ней парит.
Он движет мной...»

« ОН движет мной...» - это не только образ, это состояние лирического героя многих стихотворений поэта... Движение жизни, настроение, подвластное только его духовному поиску, приобретает в его поэзии особые эмоциональное наполнение, сродни зримой живописи...

Вот о псковской сирени:

«В ней не только дышать, даже взглядом коснуться рискованно...».
Изобилие впечатлений: «...сама возникая в глазах и в ладонях», «И бензиновый чад умирает в глубоком затоне из сиреневых гроздьев, тяжелых, как небо в дождях». Роскошная живопись, и она осенена легендой:

И когда над погостом весенние веют ветра,
звезды счастья летят на кресты и на звезды

- эпоха в цветении и горечи. В тайне жизни, не делимой на красные звезды и православные кресты... Жизнь в легенде.

Лирическая особенность необъяснимого, загадочного видения художника, лирика легендарного жанра. **ПРИСТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ЗРЯЧЕГО** реалиста в каждой примете, в каждом событии, душевном движении. Таковой была природа творческого горения Станислава Золотцева.

Писать для него значило дышать **ЖАРОМ БЫТИЯ** и привносить этот жар в стихотворные строки. «Кораблик золотой», что движет поэта по его жизненной стезе,, сопровождал почти весь путь поэта с юных лет вплоть до последнего десятилетия его жизни.

По северной тропе, по солнцу молодому,
По смолам золотым, по утренней росе
Я вышел на заре. Я уходил из дому
По северной тропе, по взлетной полосе!

Знакомый каждому уход из родного дома в большой мир пережит поэтом в ярком ореоле романтики, почти легенды. Лирический герой поэта – это человек поколения, прожившего «тридцать лет без войны».

Страстность, овеянная романтизмом службы в полярной авиации, и страстность любовных переживаний сплетаются в мощный поэтический сгусток его признания и рождается особый золотцевский образ:

«Я много нежных слов от женщин слышал, но помню только это: сокол мой».

Или другое признание - тоже страстное, но сказанное лирично и просто :

«Я тысячу желаний превозмог,

И лишь одно сейчас стучит в висок:

Уснуть с тобою – и с тобой проснуться...»... Такая лирическая простота мгновенно и магнитно влекла читателей.

Его лирическая любовная поэзия порой завораживает каким-то неожиданным дальним сиянием волшебства и былинности:

И все же твоего я жду парома,
Отчаянья не пряча и веры не тая,
И вновь зову, зову тебя - и только:
«Княгиня Ольга! Берегиня Ольга!
Жена моя, любимая моя!»

Сам влюбленный поэт предстает здесь вполне современным лирическим героем, наполненным духовной историей своей родной псковской земли.

Псковитянка-паромщица, древнерусская княгиня, святая Ольга вошла в легендарный пантеон Станислава Золотцева, окружена в его лирике таким же непререкаемым пиететом, как и Пушкин, фронтовики, герой Крымской войны адмирал Нахимов, родители, безымянные зодчие храмов, Богородица, святой угодник Никола... В образной символике поэта, с ее множеством знамений, краев, городов, лиц, пожалуй, нет только чиновников любого ранга, что в общем весьма показательно для всей нравственной и идеологической позиции поэта.

И сам город Псков – его родина - под неустанным пером поэта счастливо легендарен. Двойное солнце над Псковским и Чудским озером: «В краю льняном два ходят колеса гигантской медно-красной древней прядки...» - «Все к перемене, знают рыбаки, и русские

ребята, и эстонцы». Лирически событийное космическое явление для поэта знак эпохи: «И новое пришло тысячелетье».

Его прозаический шедевр «У подножья Синичьей горы» стал для художественного образа Псковщины тем же магнитно влекущим образом прекрасного, что и есенинская Рязанщина для русской литературы. И именно на этой земле в неуемном сердце поэта вспыхнул порыв легендарной цели: «Нет, что ни говори, а самая загадочная книга на свете – никем не написанная книга Русской Истории...»

Вошли в его легенду и другие земли, другая речь. Газель знаменитого персидского поэта Хафиза о восточной красавице услышал он в застолье на таджикском дворе под открытым небом: «Она крепчает, как памирский ветер, которым небо вытерто до звезд». И столь «струной Хафиза к Азии привязан», - что

Я сам запел на огненном ветру:
«За родинку тюрчанки из Шираза
Отдам я Самарканд и Бухару!».

Поэт был одарен той особой способностью того душевного восприятия мировой культуры, о котором писал Пушкин: «нам внятно все».

Да это он! Как не узнать Рустама,
Летящего на Рахше в смертный бой!

- перевод из таджикского поэта-современника Лоика. Золотцев с героем Рустамом в одной легенде. В одном творческом союзе с Лоиком. На одной поэтической земле с удивительным поэтом середины двадцатого века из Уэллса, чье невероятное богатство земной, природной образности ошеломило некогда псковского поэта. Он называл Дилана Томаса вдохновителем собственного поэтического письма.

Масштабность дарования поэта по призванию поражает. Станислав Золотцев автор биографических книг о дорогих ему поэтах - творческом наставнике Сергее Маркове, земляке Игоре Григорьеве, друзьях-сибиряках Михаиле Вишнякове, Анатолии Кобенкове, критических размышлений в книге «Нет в поэзии провинций».

Весомое слово поэта выхватило главное в социальном бытии страны, изведавшей нашествие, разруху и потрясения в обществе. В земле, пассионарно радовавшейся бытию, что неустанно подмечал поэт. Творя образ сказочного Садового из своего детства: «А после войны невидимыми делал яблони, чтобы грозные уполномоченные не облагали их налогом. И мне не было страшно даже августовской полночью в саду...».

Но «время падающих стен», пророчески, среди всех политических неурядиц в стране, угаданное поэтом как великие потрясения, заставило по-иному зазвучать голос Станислава Золотцева, явиться в неожиданном облике. Ввод наших войск в Афганистан, зацепивший лично поэта, первые громко потрясшие державу катастрофы мгновенно вызвали в нем поэтическую реакцию, сразу привлекая к его стихам бурное внимание. Именно легендарность строк Золотцева, публично широко читанных автором, заново прославила его имя:

«О память, не остынь,
Как пепел не остыл,
Слетевший с горных троп
В афганские сугробы».

«Земля моя – Чернобыль!» - ударило по самым безразличным. Положенные на музыку стихи его поры распада страны зазвучали **призывами гимнами**:
«Не поправ собою никого,
Оставайся Русью православной...»

Пережив лихие времена
Униженья, смуты и насилья,
Возродись, огромная страна,
Вольная и вечная Россия!

И в то же время поэт создает легендарный образ - «Последний русский витязь», в будущее бытование которого в культуре Отечества и сам не верил:

Он изнемог,
забрало подняв, ходить на рать,
Сограждан заслоня щитом, душой и телом...

Взгляните и дивитесь,
Как в небеса восходит, не преклонив главы
Пред вечностью седую,
ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ВИТЯЗЬ...

Но святое чувство радости жизни не было потеряно им:
«Я – радуюсь, хоть в радости моей – колючий привкус окаянных дней.
Но и его приму как Божью милость».
Трагедии, унесшие миллионы жизней, не только от убийств, обнищания, голода, но и от укорачивающих жизнь стрессов, подорвали и здоровье поэта, вызвали **его горький** преждевременный уход.
Как многие русские поэты, не дожившие свой век, он ушел, чтобы остаться в литературе, в читательской памяти магнитно влекущим поэтом легенды и таинства духовного счастья, подобно герою его стихотворения «Фреска» .

И райский свет, и душный сумрак ада
Заплещутся на сводах плитяных –
Не зря, привезены из Цареграда,
Лежат в стене три кирпича святых.

...И кто услышит глас его в кружале?
И кто почует в мире в этот час,
Что созданы им вечные скрижали...

Терпи, художник!
Не поблекнет роспись.
В ночи за ней не прокрадется тать.
Но будущим векам, как черной оспе,
Положено ее зарубцевать...

Символично и отраднo, что в Пскове - на его родине - именем Станислава Золотцева названа одна из центральных городских библиотек, а его поэзия разносится по псковской земле в звуках Псковского гимна.

Ирина ШЕВЕЛЕВА